

Ирина Горбачева

МАЙОР СНЕЖИНА

Фотографии на стене

16+

Ирина Горбачева

**Майор Снежина.
Фотографии на стене**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Горбачева И. Г.

Майор Снежина. Фотографии на стене / И. Г. Горбачева —
«ЛитРес: Самиздат», 2017

Действие книги происходит в Санкт-Петербурге и Всеволожске в 2005 г. Оказавшись после школьного выпускного вечера сиротой, преданной любимым человеком, оставшись с маленьким ребёнком на руках, Марта Снежина не пала духом. Выбрав тяжёлый труд оперативных будней, она зарекомендовала себя отличным специалистом, хорошей матерью и верным другом людям, которые всегда шли ей на помощь в трудные минуты жизни.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глава 1

Тёплый ветерок растормошил пушистые коробочки тополей, и лёгкие на подъём маленькие парашютики с резвостью разлетелись кто куда. Кто-то смог попасть в нужную воздушную струю и подхваченный воздушным потоком улететь высоко к облакам для того чтобы опуститься совсем в другой местности и пустить свои корни в далекой ещё незнакомой земле. А кто-то приземлился рядом со своим деревом. С некоторыми пушинками ветер поиграл в забавную игру, перекачивая их по асфальту, да так и бросил пыльными затоптанными в грязь вечно спешащими куда-то людьми.

Марта суетясь, перекладывала бумаги на своём рабочем столе в поисках мобильного телефона.

– Доброго утра! Что потеряли товарищ майор? – спросил молоденький стажёр Ваня, заглядывая в её кабинет.

– Надеюсь, что доброе, Ванечка. Телефон ищу. Надо Аське позвонить. У неё скоро экзамены. Придумали какое-то ЕГЭ, а я переживать должна.

– Марта Леонидовна на улице уже двадцать первый век пятый год. Давно ли мы узнали, что такое мобильный телефон, интернет? А тут ЕГЭ. Европейские стандарты. Сказали бы мне, я помог бы вашей дочери.

– Вань ты ещё! Помощник нашёлся. Чего хотел?

– Поздороваться. Вот вижу, мучаетесь, решил помочь вам. А Ася у вас красавица. Вся в маму. Да вот ваш телефон!

– Подхалимаж на рабочем месте? Иди к себе работай, – Марта улыбнулась симпатичному забавному парню.

Весна отдала свои позиции наступающему лету. В школах прозвенел последний звонок. Приближались экзамены, белые ночи, выпускной вечер в школе. Не за горами большой концерт на Дворцовой площади, где торжественно в акватории Невы появится величественная бригантина «Алые паруса». Символ любви и надежды во всё самое лучшее, что может произойти в жизни после школы.

– Давно ли я была на выпускном? Давно. Мне не посчастливилось побывать на празднике «Алых парусов». Господи, когда его закрыли? В семьдесят девятом? Ещё в Советском Союзе. А я окончила школу в разгар Перестройки. Сколько лет пролетело? Уже и дочери семнадцать. Да, старею.

Марта взяла зеркальце и внимательно посмотрела на себя. Провела пальцем по бровям, приглаживая их, подумав, что пора уже провести небольшую экзекуцию над ними. Немного подкрасила тушью для ресниц свою гордость густые и без того тёмные ресницы. Слегка наложила тельные тени на веки, подчеркнув необычные с зелёным оттенком глаза.

– Ничего ещё, жить можно, – сказала она, подкрасив помадой губы и поправив копну волнистых волос с каштановым оттенком, – да, давно ли я была в возрасте Аси. Начинаю понимать высказывание: «Жизнь пролетела, что день».

Марте не удалось продолжить свои воспоминания. В кабинет постучали.

– Марта Леонидовна на выезд. У нас убийство, – в кабинет майора Марты Леонидовны Снежиной вошёл начальник отдела Главного управления уголовного розыска по г. Санкт-Петербургу полковник Мезенцев.

– Что за убийство? – спросила Марта, убирая бумаги в сейф.

– Вроде как старушка отравилась таблетками, но в сочетании с ударом тупым твёрдым предметом.

– Отлично, только мы здесь с какого бока? Почему не в район, а к нам?

– С такого Марта Леонидовна, с такого бока. Вызов получен от соседей, а они слышали крики. Что-то там всё загадочно и подозрительно. Так, что вперёд и с песнями.

– Как прикажете, товарищ полковник!

Группа в составе всегда вежливого и большого ценителя чая криминалиста дяди Лёши, старого опера Александра Григорьевича Коршунова, постоянно мечтавшего провести не отгуланный за два года отпуск на своей небольшой, но уютной даче и молодого стажёра Ванечки мечтателя и болтуна под руководством майора Марты Леонидовны Снежиной выехали на место происшествия.

– Так, а по какому адресу мы мчимся? – спросила Марта, набирая номер мобильного телефона дочери.

– На Ваську только бы в затор не попасть, – ответил водитель управления Андрей Михайлович, или как его все называют Михалыч.

– А подробней? – спросила она его, – Ася, ты как? А, пока ещё на консультацию? Всё, всё, я молчу. Позвони. Осторожно. Так нам, на какую улицу?

– Вторую линию Васильевского острова.

Услышав ответ водителя, сердце Марты застучало так быстро, что, казалось его стуки, услышит вся группа. Его удары глухо отдавались в висках. Она откинулась на сидение и закрыла глаза.

– Неужели? – подумала Марта, и мороз пробежал по её коже. Она не решалась уточнить адрес происшествия у водителя, – улица та же – вторая линия Васильевского острова.

– Всё! Если в этом году товарищ начальник опять не получится с отпуском, уйду на пенсию, – слышалось бурчание Александра Григорьевича.

– Ладно тебе Александр Григорьевич! До лета ещё далеко. Пока распогодится, успеем ещё пару убийц окольцевать, – попытался успокоить его Ванечка.

– Вань кто тебя за язык тянет? Накаркаешь ещё, – ответил дядя Лёша, – и так у нас дел невпроворот.

– Чего сразу накаркаешь?

– Правда, Ванька, беда с твоим языком, свалился на нашу голову! Тогда не то, что лета, выходных не дожидаться! А у меня на огороде полно работы.

– Александр Григорьевич не понятно, зачем гробиться на грядках, если в любом магазине этих овощей завались? Ладно, когда в ваше время дефицит был. А сейчас?

– И чего бы он понимал? Ваше время! – передразнил стажёра старый опер, – ни черта ты не понимаешь Ванька! А не понимаешь, так сиди и молчи.

– С такими заторами, это не работа! Ну, куда он прётся? – ругался Михалыч на очередного лихача, подрезающего ему путь.

– Тише, начальство разбудишь, – попросил Ваня, посмотрев на Марту.

Но Марта не спала. Воспоминания, которые она уже давно не стремилась воскрешать в памяти, окутали её своей волнительной волной и унесли в далёкие годы юности.

1988 г. Ленинград, СССР

В последнее время все мысли Марты были о том, что одеть на выпускной вечер. Да и вообще стоит ли ей идти туда, где все девчонки будут наряжены, как невесты в новые красивые платья, в модные туфельки. Где каждая будет считать себя Золушкой, пришедшей на бал или Ассолью, спешащей на встречу к капитану Грею. В школе, в последние дни учёбы девчонки только и говорили о предстоящем выпускном вечере. Сбиваясь в кучки, делились фасонами будущих своих платьев. Марта избегала таких разговоров. Чем она могла поделиться с одноклассницами? Тем, что боится даже намекнуть маме о приближающемся выпускном. Откуда

у неё такие деньги? Марта как-то пыталась подсчитать, сколько понадобится денег, чтобы сдать на праздничный вечер в школе, после которого они все вместе должны будут поехать на набережную Невы. А платье, туфли? Да откуда мама наберёт такую уйму денег. Они и так с ней живут, считая каждую копейку, откладывая на «чёрный день». Но обязательно случается непредвиденное и то, что удалось сберечь, приходится отдавать, то на возросшую оплату жилья в их теперь уже коммунальной квартире, то на покупку лекарств, без которых маме с её участвовавшими приступами гипертонии никак нельзя обойтись.

В новой школе, куда Марте пришлось перейти в девятом классе из гимназии с углубленным изучением английского языка, ей приходилось не просто. Нет, её никто не обижал, но крепкой дружбы ни с кем у неё не получилось. Марте казалось, что после окончания школы одноклассники о ней сразу забудут. А в будущем даже не вспомнят, что с ними училась такая незаметная, неяркая, обыкновенная девчонка по имени Марта. Хотя она не могла пожаловаться на то, что ребята совсем уж её игнорируют. Вспоминают, когда нужно что-то срочно перевести с английского зная, что она почти в совершенстве владеет этим языком.

Но Марта особенно не горевала по этому поводу. По своему характеру она всегда была одиночкой. Ей никогда одной не было скучно. Она избегала шумных компаний и ощущала себя комфортней дома, среди книг, слушая свои любимые мелодии. Но немного страдала от того, что у неё не нашлась такая подруга, с которой можно было посекретничать, открыть свою душу, тайну. Хотя она всегда помнила предупреждения своей бабушки, которая говорила ей:

– Марта запомни, поговорка, пословица, это мудрость, опыт народа, проверенный веками. Так, что никогда не забывай, милая: «подружка, это моя подушка». Но, если у тебя накопилось на душе, ты можешь поделиться со мной или мамой. Уж мы-то тебя никогда не предадим.

Марта любила свою бабушку, но сердилась за такие слова, – ты хочешь сказать, что нельзя верить женской дружбе? – спрашивала она.

– Марта деточка я напому тебе ещё одну мудрость, недаром говорят, что с этим человеком я пуд соли съел. Поверь мне, истинная дружба познаётся по чайной ложечке соли. Кто-то с тобой её съест, а кому-то такая еда покажется ненужной. Жизнь длинная и кто твой настоящий друг бывает, узнаешь очень и очень нескоро.

Марта любила свою семью. Правда три года назад их счастливая и крепкая «ячейка общества» стала рассыпаться как карточный домик. Теперь они с мамой остались совсем одни. Недаром говорят, что беда никогда не приходит одна. Так и в их семье как-то неожиданно одно событие повлекло за собой череду тяжёлых потерь и несчастий.

Но это обстоятельство ещё больше сблизило её с мамой. Марта тогда поняла, что её любовь к маме не жалость, а именно любовь и уважение за её силу воли, сдержанность, терпение после всего случившегося, возросла. Не каждая женщина может с достоинством перенести то, что перенесла мама. Марта понимала, что у многих женщин тяжело складывается жизнь. Но вот поговорка: «судьба не улыбнулась», это про её маму. Так думала Марта.

Тяжело перенесшая смерть родителей после развода с мужем Людмила Ивановна стала часто болеть. Марта никак не могла поверить тому, что столько времени никто не догадывался о двойной жизни отца. Его признание в том, что у него давно была и есть другая женщина, стало сильнейшим ударом для неё.

– Марта ты уже взрослая, должна меня понять. Любви все возрасты покорны, как говорил классик, а жить без любви, как в песне помнишь дочь? «Жить без любви» совсем, совсем, моя милая, не просто, – говорил ей отец, собирая свои вещи.

Марта понимала и слова классика и слова песни, только отца она понять не смогла

– Почему ты при жизни деда не сделал свой выбор? Наверное, потому, что дед был влиятельным и состоятельным человеком? Конечно, с таким тестем было проще жить. Я тебя понимаю, папа, – отвечала она ему с издёвкой.

Марта очень боялась за маму. Она чувствовала, что то, что мама не кричала на отца, не плакала, а просто стояла к собирающему свои вещи мужу спиной и смотрела в окно, было не безразличием к происходящему. Так мама скрывала свою боль. Она не проронила ни одной слезинки, даже тогда, когда отец, тихо сказав: – Прости, прощай, – удалился из квартиры, удалился из их с мамой жизни.

Тогда Марта училась в восьмом классе. Она заплакала от обиды, от нахлынувшего чувства и понимания того, что теперь они с мамой одни. Когда были живы бабушка и дедушка, когда с ними жил папа, а мама была полной сил и здоровья, Марта считала, что так будет всегда. Тогда всё в жизни их семьи было ясно, понятно, весело, счастливо. Мама, долгое время работавшая переводчиком, гидом, потом преподавателем репетитором английского языка, разговаривала с Мартой с первых её детских лепетаний на английском.

Дедушка, несмотря на то, что возглавлял большой и важный научно-исследовательский институт был человеком на редкость остроумным и весёлым, знавшим большое количество анекдотов. В семье жила легенда, что давно, когда дедушка был молодым, в одной компании он познакомился с Юрием Никулиным, который собирал анекдоты. Так вот дед обыграл самого Никулина, выявив свои объёмные знания этих смешных миниатюр. Возможно, это было легендой, всегда оптимистично настроенного деда, любившего что-то присочинить для всеобщего хорошего настроения в семье. Но атмосфера уюта и счастья всегда царила в их доме. А может, это только казалось Марте?

– Мамочка, – плакала она, – как он мог столько времени тебе лгать?

Неужели ты ничего не видела, не догадывалась?

– Милая моя, любовь застилает глаза пеленой. Когда любишь, веришь безгранично, доверяешь безмерно. А возможно, это моя суть. Я представить себе не могу, как бы я жила без доверия. Но выходит, можно жить по-другому.

– Значит отец жил по другим правилам, а к тебе подстраивался? Нет, мама я так не смогу. Я буду проверять каждый шаг своего мужа, – Марта отстранилась от мамы, представляя какой строгой женой она будет.

– Думаешь, это спасёт вашу семью, если твой муж разлюбит тебя? – Людмила Ивановна тяжело вздохнула, – нет дочь, определённого рецепта для любовного напитка нет. У каждой семьи он свой. И варить его должны они вместе.

– Вот мамочка вы и доварились, теперь мы с тобой остались совсем одни.

– Нет, доченька, мы не одни, мы с тобой вместе, – грустно отвечала ей мама, обняв её.

Так и стали они жить вместе. Жить на то, что мама зарабатывала от частных уроков, было тяжело. Вскоре у неё стали появляться страшные головные боли. Пришлось отказаться от большей части учеников. Первое время скудно, но отец иногда помогал некоторыми деньгами.

Но как говорится, беда не приходит одна. Совсем некстати как-то объявился отец с желанием разделить их большую профессорскую квартиру, в которой мать Марты прожила с самого рождения, и в которой родился её отец. Ему она досталась от своего отца. Большая четырёхкомнатная квартира просторная со старинной мебелью и своим тихим домашним укладом.

– Людмила ты не переживай мы с Эммочкой жить здесь не будем. Но ты пойми меня. На работе меня сократили, сама понимаешь, что сейчас происходит в стране. Так, что я буду жить у Эммочки, а эту комнату придётся сдавать. Не волнуйся, мы с Эммочкой найдём достойных людей для совместного с вами проживания. Так, что лицевой счёт придётся разделить.

Людмила Ивановна подписала все нужные для бывшего мужа бумаги. Вскоре Леонид с Эммочкой нашли квартиранта молодого человека с вредными привычками, который устроил в их квартире что-то похожее на ночной клуб и фойе вокзала. После долгих просьб Людмилы Ивановны и требований Марты, отец вошёл в положение и распрощался с квартирантом. Потом к ним въехала женщина лет на десять моложе Людмилы Ивановны и настолько же старше Марты. Настя, как её звали, считала себя «бизнес вумен» средней руки. Она в этот

период разводилась с мужем, имела свой салон красоты, независимый характер и судебную тяжбу с «бывшим».

– Вы думаете, у меня нет денег на квартиру? Есть. Конечно не на такую, как ваша. Но мы с моим тогда ещё нормальным мужем в своё время купили две кооперативные квартиры. А когда появились деньги, у него мозги «сдвинулись по фазе» и он в одну приволок свою молодую пассию и живёт там с ней, а другую пытается поделить поровну со мной. Нет, это как? Поровну, значит поровну. Я же не претендую на его автосервис, машину. Но с какой стати я ему должна квартиру дарить? Зарабатывали с первой копейки всё вместе. Я в суде так и сказала, что снимаю комнату, потому, что денег, чтобы купить себе жильё ноль. А в каком доме снимаю и у кого не его дело. А что, я теперь должна на свои деньги покупать квартиру? Правильно я говорю?

Настя поражала Марту простотой суждений и лёгким добрым характером. Хотя Настя не считала себя простушкой. Казалось, она может найти решение для любой проблемы.

– Да нормальная я! – смеясь, она убеждала Марту, – такая, какой бабушка воспитала. А она всегда говорила, что отдашь, то и получишь. Так я что, враг себе от зла зло получать? Нет! Добрым людям легче жить. Но только и добро должно быть в меру.

– Настенька, – спорила с ней Людмила Ивановна, – добро меры не знает.

– Нет, дорогая моя, это вы меры не знаете. Вы слишком добрая. Нет, Людмила Ивановна, я вас не понимаю. Вы только вникните! Этот ваш огрызок был всего лишь прописан в этой квартире. Он никаким образом не входил в долю наследования. Видно ваш отец знал, с кем вы в дальнейшем будете иметь дело. Квартира принадлежала целиком и полностью только вам. А вы из такой красоты сделали коммуналку! Вы что не могли обратиться к хорошему юристу?

– Ну, что вы, Анастасия, как я могла ему отказать, он прожил в этой квартире почти двадцать лет.

Настя ещё долго объясняла Людмиле Ивановне, какую ошибку она сделала. Но они так и не поняли друг друга.

– Понятно, – сделала заключение Настя, – вы просто его ещё любите и тогда рассчитывали на его возвращение.

В этом Марта была согласна с Настей. Она тоже была уверена в том, что мама, несмотря на предательство отца всё ещё его любит.

– Как можно любить предателя? Даже несмотря на то, что он мой отец, мне противно видеть произошедшие в нём перемены. С нами он был совсем другим. А Эммочка за несколько лет смогла внести свои коррективы не только в его облик, но и характер, да такие, что он для меня стал совсем чужим человеком. Нет, если вдруг у меня в жизни случится такое, я никогда, никогда не смогу простить предателя. Никогда!

– Дитя ты ещё Марта. Изменения... Никто сразу себя изменить не может. Значит, твой папаша и был с червоточиной внутри.

– Нет, настаивала Марта, – до встречи с Эммой он был другим!

– Как же! Был бы порядочным, сразу ушёл бы к ней. Почему он это сделал только после смерти деда? Почему поделил квартиру из поконов веку принадлежавшую вашей семье? У порядочного, у настоящего мужика, рука не поднялась бы у дочери, да в такое время, кусок отнимать. Я только одного не пойму, куда ваш дед смотрел? Чувствую, что он видел зятя насквозь, почему его не потурил ещё при жизни. А тебе так скажу, Марта, конечно, зарекаться не надо, но вот тебе мой совет. Не теряй голову, не все примеры бери с матери, да и с меня тоже.

В Насе Марта нашла близкую подругу. Они с мамой привыкли к весёлой вечно активной балагурке так, что стали забывать, что она им просто соседка, которая, решив свои проблемы, покинет их квартиру. А уж о том, кого к ним потом подселит вредная Эммочка, им даже думать не хотелось.

Но, как это всегда бывает неожиданно и вдруг, отец Марты попал в автомобильную катастрофу и разбился насмерть. Это известие ввергло Людмилу Ивановну в шок. Марта пыталась как-то успокоить маму, но она не поддавалась никаким уговорам и всё больше сидела в когда-то любимом кресле отца, замкнувшись на своих мыслях, а возможно, гуляя по своим воспоминаниям. Однажды, после успокоительной беседы Марты с матерью, Настя увела её на кухню.

– Не трогай маму, пусть свыкнется с мыслью, что возврата к прошлому нет. Теперь я поняла родителей Людмилы Ивановны. Они видели, как любила их дочь твоего непутёвого отца. Очень любила, – и Настя заплакала.

Марте было невдомёк, как можно, несмотря на всё горе, которое принёс матери отец, так убийственно для себя продолжать его любить. И так же плакала, жалея его.

Но постоянно ловила себя на мысли, что плачет она больше не как по ушедшему отцу, а как по тем счастливым моментам, которые она испытала тогда, когда он жил с ними.

– Наверное, мне не дано это чувство – любить. Так полюбить, как мама, я не смогу. Да и надо ли? Вот так полюбишь, а он тебя возьмёт и предаст.

Марта боялась за маму. Даже Эмме на похоронах стало жалко её и она, с сочувствием в голосе предложила первой жене поплакать.

– Нельзя всё в себе держать, вы поплачьте. Ничего теперь не вернуть, а вы своё здоровье совсем разрушите.

Сама-то Эммочка редела белугой громко с причитаниями. Но так, же быстро успокаивалась. А ещё через некоторое время, не дождавшись сороковин, быстро оформила комнату в их квартире на себя. И как только Настя не доказывала Людмиле Ивановне, что в этой комнате есть доля Марты, всё осталось, как есть.

Но ушлая Эмма на этом не успокоилась и стала уговаривать Людмилу Ивановну продать ей ещё одну комнату.

– Вам деньги нужны? Цены за ЖКХ растут. А я пойду вам навстречу, всё-таки Лёначку я любила, ради его памяти буду нести все расходы за коммунальные услуги.

Но Насте удалось уговорить уже больную женщину не делать этого. Здоровье Людмилы Ивановны ухудшалось с каждым днём, перед самыми школьными выпускными экзаменами ей пришлось лечь в больницу.

– Чего такая грустная? – спросила Марту Настя, варившая кофе на кухне, когда девочка пришла с очередного экзамена в школе, – была в больнице? С матерью что-то не так?

– Я к ней вечером пойду, сейчас не пропустят, – ответила Марта, выкладывая на стол булочки, кефир, который она купила для передачи в больницу.

– Возьми, я творог на рынке купила и сыр вкусный, маме понравится. Нет, я же вижу, что-то не то. Давай колись, что случилось. Обидел кто? – наседали Настя.

– Выпускной скоро, – Марта закрыла лицо от нахлынувших вдруг слёз.

– Подожди подруга, плакать-то чего? Это же здорово! Выпускной вечер, конец учёбе, прощай школа, – Настя обняла Марту, успокаивая её.

– Все нарядные будут, а мне идти не в чем, – Марта освободилась от объятий Насти и заплакала ещё сильнее.

– В смысле? У тебя платья нет? О, Господи! Ты, что из-за этого разнюнилась? Какие проблемы! Ты что забыла кто твоя соседка? Милочка, а ну-ка пошли ко мне!

Настя потащила вытирающую на ходу слёзы Марту в свою комнату и открыла забитый вещами шкаф: – Выбирай!

Раньше у Марты тоже было немало вещей, но увидев разнообразие нарядов Насти, Марта растерялась. Перемерив всё, что могло подойти к торжественному вечеру обе уставшие и раскрасневшиеся от переодеваний они сели на диван.

– Вот это платье подошло бы, но оно большое, грустно сказала Марта, показывая на вечернее тёмно-синее платье.

– Ушить не проблема, я же тебе говорю, у тебя соседка кто? Вот именно! Швее пятого разряда, это я бы тебе быстро соорудила. Но знаешь что? Во-первых тёмное, во-вторых перешивать... У меня идея лучше появилась! Иди, умывайся, одевайся и поехали!

– Куда, зачем? – Марта недоумённо смотрела на Настю.

– Знаешь, я ведь у себя дома закончила девять классов, а там какой выпускной? Потом в нашем посёлке не до этого тогда было. Ты что думаешь, у меня всегда деньги были? Ко всему надо прийти. А, чего там, пошли! У меня платья не было, да и самого выпускного не было, а тебе я такое куплю, все твои девчонки попадают. А на обратном пути к маме заедем.

После долгих отказов Марты, Настя буквально вытолкала её за дверь и усадила в свой автомобиль.

– Настя мне правда неудобно, ты же знаешь, что денег у нас нет, – продолжала извиняться Марта.

– А кто сказал, что я с вас деньги возьму? Знаешь Марта не всё можно деньгами измерить. Пусть это будет подарком от меня тебе и твоей маме. Она очень хороший человек, хотя и глупая. Знаешь, добро иногда оборачивается злом. Но только это на первый взгляд, кажется, что за твоё добро ты получаешь зло. Ты получаешь опыт. А вот зло, что бумеранг, обязательно вернётся к тому, кто его породил. Поэтому, обиды мы переживём, а зло от нас отстанет! А у дающего добро, рука пусть не устанет. Всё будет хорошо, не переживай Марта!

Объездив несколько магазинов, наконец, в одном из них они выбрали платье нежного кремового цвета с широким длинным розовым воздушным шарфом такого же цвета маленькой сумочкой и изящные туфельки, подходящие к её наряду.

– Ассоль! Настоящая Ассоль, – видя сияющую Марту, говорила Настя, – а в день выпускного, я тебя отведу к своим девчонкам в салон. Они тебе и макияж, и маникюр и волосы в порядок приведут. Будешь у меня куколкой, самой красивой на вечере вот увидишь!

В больнице, куда они приехали проведать Людмилу Ивановну, Настю попросили остаться в холле больницы и пропустили в палату одну Марту. Пока радостная дочь хвалилась матери подарками, демонстрируя ей покупки, к Насте вышел лечащий врач больной.

– Кем вы ей доводите, – строго спросил он Настю.

– Соседкой. Близкой подругой. Кроме дочери Марты у неё никого нет. А что, дела совсем плохи?

– Печально, что девочка одна. У пациентки обнаружена злокачественная опухоль головного мозга.

– Какой ужас! Она операбельна?

– Операция возможна, но понадобятся большие средства на медикаменты и реабилитацию. И неизвестно, что может произойти во время операции. Гарантий никаких, даже при положительном результате, даже если она пройдёт успешно, возможно всё. Людмила Ивановна может ослепнуть, а возможно останется овощем.

– А без операции?

– Без операции она продержится минимум месяца два, а возможно и того меньше.

– Когда нужны деньги и сколько?

– Много и срочно.

– Не говорите пока ничего её дочери, – попросила Настя врача, – у неё сейчас выпускные экзамены. Я сама постараюсь решить этот вопрос.

– Говоруны, – Марта откинула от себя воспоминания, – Михалыч, так куда ты нас везёшь? Уточни адрес.

– Так вот сюда. Всё, товарищ майор, прибыли, – ответил водитель Михалыч, останавливая автомобиль у нужного парадного.

– А номер квартиры какой? – Марта старалась скрыть волнение, но видно, тень прошлого тонкой вуалью плотно накрыло её лицо.

– Марта Леонидовна вам плохо? – спросил стажер, помогая ей выйти из салона микроавтобуса, – укачало?

– Нет, нет. Всё нормально.

Марта одёрнула китель, ладно сидящий на ней, и уверенно зашла в парадное. Но, всё же, поднимаясь по ступенькам, волнение с новой силой охватило её. Меньше всего ей хотелось узнать в мёртвой женщине давно знакомую ей хозяйку этой квартиры.

– Может это какая-то другая женщина, – всё ещё надеялась она.

Но увидев лежащую на полу около большого круглого стола пожилую женщину, поняла, что случайностей в нашей жизни очень мало, но они случаются. И, к сожалению, весьма и весьма неожиданно и непредсказуемо.

Глава 2

Марта огляделась. Странно, но время словно законсервировало свой ход в этой квартире. Прошло около двадцати лет, но всё осталось на своих местах. Те же тяжёлые плюшевые шторы, вазочки в старинной горке. Всё тоже, всё так же. Только новые обои на стенах. Но они очень напоминают своим рисунком прежние в этой большой старой столовой.

– Капитолина Захаровна Лисневская восьмидесяти двух лет обнаружена без признаков жизни своей соседкой Соколовой Валентиной Михайловной, – Александр Григорьевич Коршунов монотонно зачитывал протокол осмотра места происшествия.

– Валентина Михайловна пройдёмте, – Марта прошла на кухню и села за небольшой столик, – у Капы ничего не изменилось, – подумала она, – Валентина Михайловна, как вы попали в квартиру Капитолины Захаровны?

– В последнее время с ней творилось что-то невероятное, – сквозь слёзы начала свой рассказ соседка, на вид на лет так двадцать младше потерпевшей.

– Успокойтесь Валентина Михайловна, может вам капель? – предложила Марта, которой после увиденного самой бы не мешало выпить успокоительного.

– Капель я уже выпила, пока вас ждала. Страшно.

– Страшно? Чего вы боитесь?

– Знаете всё, что с ней происходило за последние полгода очень странно.

– Давайте по порядку. Начнём с ключей.

– Сначала мне их дал внук Капы.

– Подождите, так у вас были ключи от квартиры? Как имя внука, фамилия у него есть?

– Алик Лисневский.

Марта с удивлением посмотрела на женщину, – Алик? – переспросила она.

– Ну да. Алексей. Дело в том, что с Капочкой мы были очень дружны. Такая женщина! Я её очень уважала. Последние несколько лет, я скажем так, негласно присматривала за ней. Помогала, чем могла. Знаете, возраст. В поликлинику сходить и то проблема. Вот я и ходила с ней везде. Гуляли вместе. Помогала ей убрать-прибрать, мне не сложно. Пока силы есть. Но потом Алексей забрал у меня ключи.

– Вам стало тяжело ухаживать за соседкой?

– Да что вы! Просто, Алик решил, что лучше будет, если он наймёт домработницу.

– Нанял?

– Нет, наверное, не успел.

– А тогда как вы вошли в квартиру? Вы сразу сообщили в полицию о произошедшем?

– Когда утром я подошла к двери, то квартира была открыта. Конечно сразу, Алексею надо было поторопиться с домработницей, вообще-то он был таким внимательным к Капе. Не знаю, почему он так затянул с домработницей, – соседка приложила носовой платок к глазам.

– Валентина Михайловна, а другие родственники у вашей соседки имеются?

– Знаете, я живу рядом с Капочкой больше десяти лет так, чтобы из родственников к ней никто не приходил.

– Может что-то она рассказывала вам о своей жизни, близких или дальних родственниках, друзьях. Или кроме этого внука у неё никого нет?

– Можно сказать и так. Она рассказывала, что её родной сын одно время был вдовцом. Потом женился на матери Алика. Это давно было.

– Алик это сын Бориса Сергеевича Лисневского от второй жены, я правильно поняла?

– Нет, нет. Он женился на женщине с ребёнком. Алик не родной внук Капочки. Но она всегда хорошо к нему относилась.

– А где сейчас находится родной её внук?

– Вот чего не знаю, того не знаю. Капа как-то рассказывала, что сын с семьёй уехал за границу.

– Куда?

– Кажется в Штаты. Но знаю точно, что там, за границей, у него была большая строительная фирма. Может родной внук и прижился там. Не знаю.

– Что ещё вы можете сказать об этой семье? Как Алик оказался в России?

– Капа очень скучала по сыну Борису. Она же совсем одна здесь осталась. Вот он и приехал вместе с женой и Аликом. Тут и начались все их несчастья.

– Несчастья? Подробней можно?

– Да как подробней? Я могу сказать, только то, что слышала от Капочки.

– Успокойтесь Валентина Михайловна. Что помните, то и расскажите.

– Да, да. Они приехали с женой и Аликом в Санкт-Петербург, сын Капочки открыл строительную фирму. Построил, правда, после гибели жены, большой дом. Так неожиданно.

– Что неожиданно, смерть жены или дом?

– Да всё, как-то быстро, неожиданно.

– А как она погибла?

– Кажется автокатастрофа. Боря потом как-то быстро женился на подруге невесты Алика. Понимаете, сын Капы с семьёй одно время жили в этой квартире. Но, признаюсь, не дружно они жили. Ссорились часто.

– Кто с кем? Сын с женой?

– И они, и жена с Капой, да и Капа часто на сына жаловалась. А Алик давно встречался с Соней. Хорошая девочка. Но вот как бывает. Бориса познакомили с подругой Сони и вскоре они сыграли свадьбу. Алик обиделся на отца. Всё-таки его мать погибла не так давно. Из-за этого Алик с Соней отменили свою свадьбу. А тут на тебе! Отец траур даже не стал соблюдать. Вот как бывает. Долго жили, жили, а потом раз, беда случилась и вот она новая любовь.

– А Капитолина Захаровна как отнеслась к свадьбе сына?

– Я бы сказала, она была в спокойно отрицательном состоянии. Знаете, скажу вам прямо, она не ладила с погибшей, но и не одобрила такую поспешность сына. Да ещё невеста, младше внука Капы. Что уж там произошло между ними, но Борис всегда оградил и вторую жену, и третью супругу от общения с матерью.

– Что потом было?

– Потом молодожёны уехали в Штаты. Припоминаю, у него были дела какие-то по своей строительной фирме. Он со старшим сыном совладелец. Жили молодожёны там около полу-года. Потом вернулись в Россию. Борис сыграл Альке с Соней свадьбу, потому, что Сонечка уже ждала ребёнка. Потом Борис и Инга, эта молодая супруга Бори, полетели куда-то на отдых за границу. И вот там произошло несчастье. Не знаю подробностей, но Борис утонул. Да... Капа еле пережила это горе. Представляете, единственного сына в коробочке привезли. Сожгли и привезли. Кошмар. Она места себе не находила. Не по-христиански это.

– Действительно что-то одни несчастья преследуют эту семью.

– Это что. Инга когда вернулась с прахом мужа, то некоторое время жила с Капой. У них у обоих была сильная депрессия. Капа еле ноги передвигала. В общем, не ладили они. Не нашли общий язык, понимаете? Инга молодая женщина, а Капа совсем другого воспитания. Вскоре Инга переехала к Сонечке и Алику за город. И тут опять удар. У Алика и Сони родился, но вскоре умер мальчик.

– Господи! Он что болел?

– Задохнулся после кормления. Соня покормила его, а перед этим выпила снотворное. Заснула и не заметила, как маленький перевернулся на спинку. Она утром очнулась, а он уже холодный. Представляете, какая нелепая случайность? Несколько раз Соня порывалась

покончить с собой, знаете депрессия, в общем, наглоталась таблеток, так бы и умерла. Вот как Капочке умом не тронутся от всего? Но она держалась железно.

– А внук как перенёс трагедию?

– Знаете, изменился Алик. Такой стал нервный. С Капой почему-то всё что-то ругался, сорился. Стал таким подозрительным. Постоянно стал Капе, я бы сказала внушать, что у неё что-то с мозгами не так. Что у него там, на уме появилось? Я как-то вступилась за Капу, но получилась некрасивая история. В общем, он сказал, чтобы я не переживала, что за бабушкой присмотрит домработница. Вот тогда и отобрал у меня ключи. Ну а потом, вот, что произошло. Ой, наговорила я вам! – женщина вытерла платочком набежавшие вдруг слёзы.

Но Марте показалось, что соседка не без актёрского дарования. Говорит, как-то картинно, пристально смотрит на Марту, словно проверяет, поверила ли она ей или нет, – вы не подумайте, Алик хороший мальчик, просто его горе подломило, – соседка поправила причёску на дорогом парике и Марта заметила у неё небольшой, но ещё розовый шрам. Такой остаётся после пластики на лице.

– Подождите, так получается, Алик сейчас живёт в России, а его сводный брат за границей? А Инга, жена отца, где сейчас находится?

– Ничего больше не могу сказать. За старшего внука ничего не знаю, за Ингу тоже ничего сказать не могу. Алик, наверное, знает больше.

Марта отпустила соседку. На кухню зашёл оперативник в сопровождении женщины.

– Товарищ майор, вот соседка с нижнего этажа. Она кого-то видела этой ночью.

– Присаживайтесь. Представьтесь, пожалуйста.

– Меня зовут Мария Никитична Дроздова. Моя квартира под квартирой Капитолины Захаровны. Я живу здесь совсем недавно, знаете эту квартиру ... – Марте показалось, что женщина модельной внешности хочет поделиться с ней методом приобретения престижной квартиры в центре города.

– Ближе к теме. Давайте по существу. Кого вы видели, где и когда.

– Значит так. Я вчера поссорилась со своим, ну...

– Любовником, – помогла ей Марта.

– Ну, да. Представляете, стал мне претензии свои предъявлять.

– Мария Никитична давайте по существу.

– В общем, мы поцапались, и я его выставила из квартиры. И вот когда я его выставляла, я видела, как по лестнице поднимается мужчина. Знаете такой, ничего себе, симпатяга.

– Какое отношение этот мужчина может иметь к нашему делу?

– Как какое? Он позвонил в дверь Капитолины, потом постучался. Я слышала.

– Так может он приходил к соседям.

– Нет. Ночью тишина. Я слышала, что они там о чём-то ругались.

– Слушайте, такой дом капитальный я сама в таком живу. Слышимость нулевая.

– Когда балкон закрыт. А у Капы круглый год открыт или балкон или фрамуга. Сейчас тепло, так у неё балконная дверь постоянно открыта. Она без воздуха не может, понимаете. А я тоже свежий воздух люблю. И потом, я вышла на балкон посмотреть, уехал мой или всё-таки решил вернуться.

– И что...

– Нет, не вернулся, решил к гримзе своей ехать.

– Мария Никитична что вы слышали?

– Что Капа говорила, я не слышала, врать не буду. А мужчина кричал что-то в таком духе: как ты могла, зачем? Ты мне всю жизнь поломала. Больше видеть тебя не хочу. Потом дверью сильно хлопнул. И... всё!

– В каком часу это было?

– Около полуночи. Точнее в двадцать три тридцать. Я когда шла на балкон машинально глянула на настенные часы. Как сейчас вижу.

– Хорошо. Вы сможете описать этого мужчину?

– Думаю, что да.

– Распишитесь здесь. Спасибо вы свободны. Мы вас вызовем для составления фоторобота.

– Алексей Владимирович, что вы можете предварительно сказать? – Марта подошла к криминалисту, осматривающему труп женщины.

– Что тут скажешь? Лучше меня расскажет тебе патологоанатом. А я могу сказать только то, что внешних повреждений на теле не обнаружено. Смерть произошла приблизительно около полуночи. Очевиден удар по голове тупым тяжёлым предметом, но оказался ли он причиной смерти, выяснится при вскрытии. Обращаю внимания на стоящие на столе две чашки с недопитым чаем, это говорит о том, что старушка была явно не одна. Пальчики я скопировал, сейчас «отксерим» пальчики соседки и вперед Марточка искать гостя.

– Спасибо дорогой Алексей Владимирович. Особенно за две чашки, – улыбнулась Марта, – Александр Григорьевич на вас розыск всех указанных в протоколе лиц и вызов их для опроса. Ванечка, а ты ноги в руки и чтобы к вечеру у меня на столе лежала справка кто, когда, откуда прибыл, когда покинул город, страну. В общем, всё! Даты, числа мотив отъезда-приезда.

– Марта Леонидовна, но до вечера не реально, у меня сапоги не скороходы.

– Зато в техотделе скоростной интернет. Работай Ванечка и желательно не только ногами, но и головой, – добавил Коршунов, постоянно «подкалывающий» молодого стажёра.

– Конечно, обидеть стажёра может каждый, а вот понять его измученный без обеда желудок, не каждому дано.

– Работай, вечно голодающий. Заработай на пирожок, – подтрунил его Коршунов. Возвращаясь в управление в том же микроавтобусе Марта забылась, погружая себя в воспоминания.

г. Ленинград 1988 г.

Марта вышла из палаты матери окрылённая, счастливая. Её немного успокоило то, что мама радовалась вместе с ней удачно сданным экзаменам, красивому платью.

– Настя, а ты не зайдёшь к маме?

– Сегодня нет, я завтра забегу. Зачем её утомлять. Врач сказал, что ей необходим максимальный покой.

– Почему ты грустная, ты ничего не скрываешь от меня? Врач ещё что-то говорил о состоянии мамы? – спросила Марта, заподозрив неладное.

– Да всё тоже. Состояние Людмилы Ивановны на том же уровне. Ей необходим покой и лечение. Слушай Марта, а когда у тебя выпускной вечер?

– Завтра.

– Здорово! Полетели домой, завтра нам с тобой с утра в салон наводить красоту.

В ванной нежась в облаках душистой пены, Марта мечтала о предстоящем событии. Она пыталась представить себя в новом имидже. Красивой, немного сексуальной блондинкой с томным чуть презрительным взглядом, бросаемым на съедающих её глазами парней.

– А они так и падают, падают и ложатся штабелями, – Марта засмеялась, вспомнив старый добрый фильм, – да, уж! Так и попадают, жди, Марточка. Странно, почему мама изредка посещала парикмахерскую. Конечно, на фоне Эммы мама выглядит «серой мышкой». Может поэтому отец и оставил её? Вывод, мужчины в своей основе, обращают внимание на симпатичных пустышек. Грустно. Но не про меня. Я даже не симпатичная. Нет, мама правильно

говорит: Извлекай урок из моих ошибок и поступай, как велит сердце. А мне оно ещё ничего не велит. Может быть потому, что я такая же серенькая, поэтому на меня мальчишки и не обращают внимания?

Пока Марта размышляла, кутаясь в густую ароматную пену, Настя набрала номер телефона Эммы.

– Эмма Людмила Ивановна решила через суд вернуть себе часть комнаты, которая принадлежит Марте по наследству от отца.

– Ничего не знаю, комната уже на мне. У неё ничего не выйдет, – ответила ей раздражённая Эмма.

– Ещё как выйдет! В своё время тебе, афирюга, не удалось бы провернуть эту афёру. Ещё не прошло полгода, а она на тебе, близкая родственница нашлась. Наследница первой очереди! Спишь спокойно?

– А чего это я должна бессонницей мучиться?

– А того. Наверное, и киллера нашла, чтобы мужа недотёпу с дороги убрать?

– Ты чего мелешь?

– Воспользовалась нестабильностью в стране? С бандитами связалась?

– Какие бандиты, я всё по закону сделала!

– Да, знаю я ваши бандитские законы. Разбить семью, мужа удавить, а имуществом бедной девчонки завладеть!

– Ты с ума сошла! – кричала в трубку напуганная Эмма.

– Всё! Со мной у тебя такой номер не пройдёт. Я сама кого захочу нанять могу. Поняла? Марта вправе вступить в права наследования. А ты ещё отсчитаешь им купюры за судебные издержки и моральный ущерб.

– Это как?

– Вот так, а вступит Марта в права наследования и прощай твои квартиранты.

– Это как? Ага! И ты тогда вылетишь с комнаты!

– Не угадала, я тогда буду снимать площадь у Марты на её метрах. И тогда держись. Я создам тебе уют. Поняла? И вообще, я по любому останусь в квартире и не дам тебе наживаться на порядочных, доверчивых людях.

– Такая благородная? Да? Ладно, чего ты хочешь?

– Выплати Марте денежную компенсацию за её метры и вопрос будет решён. – Мне надо подумать.

– И думать нечего, комнату оценили, нотариус есть. Всё сделаем быстро и качественно. Завтра жду от тебя положительный ответ, а нет, смотри, я своё слово сдержу,

– Настя отключила мобильный телефон, – думаю, ответ будет положительный. И если так, на первое время денег хватит, а потом я придумаю, что делать дальше.

Утром Марта проснулась и, улыбаясь, подошла к окну. Раскрыв плотные шторы, прятавшие от глаз белые ночи, она присела на пуфик рядом со старинным трельяжем.

– Свет мой, зеркальце скажи, – Марта недовольно смотрела на своё отражение, – да, а смотреть-то не на что. Что за нос? А губы? А брови? Это не брови, а бровищи, – бормотала она себе под нос, – и что можно из всего из этого сделать?

В приоткрытой двери комнаты Марты показалась ещё заспанная, в накинутом пеньюаре Настя.

– И чем ты недовольна, красавица? Вполне приличная мордашка. Только ты не умеешь пользоваться тем, чем тебя Господь наградил. Марш умываться, я пошла кофе заваривать.

– Как здорово, маму, наверное, скоро выпишут, и мы опять будем вместе, жалко сегодня она не дома, – уже за столом грустила Марта.

– Ты сегодня не переживай за маму. Я сейчас закину тебя к своим девчонкам в салон, пока ты будешь красоту наводить, я порядок там наведу, потом у меня заседание суда, оттуда за тобой, – составляла план своих действий Настя, умело нанося макияж.

– Настя, а как ты стала хозяйкой салона? Ты говорила, что работала швеей.

– Ох, дитя, жизнь всему научит, если захочешь у неё учиться. А салон? Я и на космонавта бы отучилась, если бы ракету по случаю купила. Ходила на курсы, читала журналы. Чем я только не занималась. Теперь вот салон, но надо будет, и его продам. А пока он приносит мне прибыль, пользуйся моментом, привыкай всегда держать себя в форме.

– Кому это надо? – Марта с грустью смотрела на Настю.

– Тебе Марта. Прежде всего, тебе. Не обязательно делать из себя модель. Но подчеркнуть свою естественную красоту и не ходить с такой поникшей головой, как ты это делаешь. Выше нос Ассоль! Вдруг сегодня подплывёт бригантина с алыми парусами, сойдёт на берег капитан Грей и всё!

– Настя что всё?

– Как что? И унесёт тебя на своих алых парусах в страну любви!

– Какая любовь, Настя.

– Как какая? С первого взгляда.

– Это всё в книжках пишут о такой любви, да и то в старых. В современных романах всё больше о любви по расчету. Да и праздник «Алые паруса» давно отменили. Да и капитан Грей сейчас не в моде. Сейчас парни подражают Сталлоне, Шварценеггеру. А эти песни не про меня.

– Не переживай, выпадет и на твою долю светлая и чистая любовь. Ты только не спеши. Смори и учись на наших с мамой ошибках. Сразу не верь ты этим паршивцам.

– Чтобы верить или не верить надо, чтобы эти паршивцы были, – улыбнулась Марта.

– Слушай Марта, почему ты так не уверена в себе? Посмотри, ты же классная девчонка и не глупая. Редко когда ум с красотой ладят. Неужели тебе никогда никто не нравился из мальчишек?

– Какая я красивая? Нравился мне один мальчик, только я никому не нравлюсь. Мальчишки смотрят на меня, а подойти, даже в кино пригласить не решаются.

– Правильно ты же, как посмотришь! Ты же, как скажешь! А мужчины сами по себе слабый род. К ним с лаской в голосе и нежным взглядом надо подходить. Вот пример твоей мамы. Умная, строгая, правильная. Всегда как струна натянутая, вот твой отец и нашёл проще бабёнку, не красавица, зато ласково стелить умела.

– Нашёл, только где он сейчас. А ты Настя тоже мягко стелила и что? Результат тот же, что и с моей мамой. Развод.

– Не путай моменты. Твой папочка пришёл к Людмиле Ивановне на всё готовенькое. А мы с моим балбесом всё с копеечки вместе начинали. Приехали в Питер, знаешь через что прошли? Тебе лучше не знать, – Настя налила себе в чашку кофе, – да

в принципе, ты права. Если он в зародыше подлец, то это как-то и когда-то, да проявится. Просто мы дуры доверчивые никак не научимся различать эту подлость в самом начале. Всё любовь-зараза глаза застилает. Нет Марта тебе нельзя в подлеца влюбляться, ты уж смотри. Будь внимательней.

– Да как сразу различить подлец он или порядочный? Мама сколько лет прожила с отцом, получается, совсем его не знала. О какой любви ты Настя говоришь? Мне сейчас только о любви и думать. С мамой надо определиться. Потом поступать в институт надо.

– Ой, милая. Глупая ты ещё совсем. Любовь такая штука, что и спрашивать тебя не будет и ждать, не захочет твоего поступления. Сегодня как придёшь в школу королевой, все мальчишки в тебя втрескаются. Но, ты смотри, не теряйся. Знаешь, белые ночи, Алые паруса! Столько Греев сразу найдётся, отбоя не будет. Ладно, что это я, ещё накаркаю. Всё давай соби-

райся, а к маме я сама сегодня зайду, не переживай, отдыхай спокойно. Этот день должен запомниться у тебя на всю жизнь.

– Алые паруса остались только в кино и книге. Этот праздник давно закрыли.

– Знаю, Марточка, но мечтать-то можно?

Около школы толпились выпускники, ожидая торжественной линейки. Марте казалось, что она не идёт, а плывёт, подгоняемая ветерком, который раздувал лёгкий шарф на её плечах, как паруса на мачтах корабля. Она видела удивлённые взгляды одноклассников, слышала их восторженные вопросы и возгласы и от этого смущалась ещё больше. Мальчишки в строгих костюмах, казались ей взрослее, девочки в дорогих красивых нарядах все выглядели принцессами, но девчонки и раньше не страдали от нехватки в своих гардеробах новых вещей, в отличие от Марты, которая одевалась скромно и недорого.

У Марты, окружённой товарищами, разгорячённой их комплиментами и выпитым бокалом шампанского за праздничным столом, немного кружилась голова.

На набережной Невы стоял гул голосов собирающихся выпускников.

– Марта ты сегодня имеешь большой успех, – почти прокричала ей на ухо одна из одноклассниц.

– Ладно тебе, какой успех, – засмущалась Марта.

– Мало того, что наши мальчишки с тебя сегодня глаз не сводят, так ещё и чужие приклеиваются.

– Ты это о чём?

– О чём? Смотри, – девушка, слегка взяв за плечи Марту, развернула её, указав на группу парней, которые смеясь и разговаривая, смотрели в их сторону.

– Ребята, как ребята, – скромно ответила ей Марта, – может, они на тебя засматриваются.

– Конечно на меня, особенно вон тот, высокий, смотри, он с тебя глаз не сводит. А ничего симпатичный.

– С чего ты взяла, что он на меня смотрит, говорю же на тебя.

– Не, а. У меня глаз намётанный. Смотри, я сейчас отойду, а он к тебе подойдёт, – одноклассница отошла к группе девушек и искоса наблюдала за Мартой.

Парень увидев, что девушка осталась одна, что-то объяснив своим товарищам, подошёл к Марте.

– Привет, – почти крикнул он, наклонившись к её уху.

– А мы разве знакомы? – ответила она, покраснев от смущения.

– Это не проблема. Давай познакомимся, Артём. А вас как зовут, прекрасная принцесса? Неужели Ассоль?

– Сегодня нас всех так зовут.

– А серьёзно?

– Марта.

– Необычное красивое имя.

На специально выстроенную сцену вышли представители городских властей с поздравлениями выпускников. Потом с эстрады гремела музыка, ведущие что-то говорили, на сцену выходили всё новые и новые выступающие, но в душе Марты играла своя музыка. Но вот море нарядных молодых людей зашевелилось от обращения ведущего.

– Кавалеры приглашают дам, дамы кавалеров на вальс! – Артём галантно склонил голову, приглашая Марту на танец.

Музыка, звук фейерверков, шум от криков, разгоряченных выпускников оглушили Марту.

– Слушай Марта, давай убежим?

– Давай. А куда?

– Пройдёмся вдоль набережной?

Они протиснулись через плотное обилие подпевающих артистам и танцующих молодых людей и наконец, освободились из объятий толпы. Они шли, улыбаясь встречным группам выпускников. Кто-то из ребят подарил Марте воздушный шарик, который она не смогла удержать в руках, и он вознёсся в сумеречное небо белых ночей, раскрашенное праздничными брызгами фейерверка.

– Как красиво, – Марта оглянулась на Артёма, он снял с себя модную ветровку и накинул её на девушку, оставив руку на её плече. Но почему-то Марта даже не попыталась отстраниться от него.

Разговаривая, они шли и не заметили, как оказались у дома Марты. Белая ночь плавно перешла в раннее утро. Артём обнял её и поцелуем прикоснулся к её губам.

– Зачем? – только и сказала Марта, смущаясь и краснея.

– Марта ты такая...

– Какая? – тихо переспросила его девушка.

– Может ты правда, та Ассоль, о которой писал Грин?

– Возможно.

Марта выскользнула из его объятий и заскочила в парадную. Уже через толстое стекло старинной двери парадной, она помахала ему рукой и проговорила одними губами:

– До вечера.

– До вечера! – крикнул ей в ответ счастливый Артём.

Марта не вошла в лифт. Она словно на крыльях взлетела на свою площадку. Не успев нажать на звонок, дверь ей открыла Настя.

– Ну, девушка ты даёшь, я глаз не могла сомкнуть.

Марта обняла Настю.

– Настя, Настенька, как я тебя люблю!

– А ну-ка девонька посмотри на меня.

Марта закружилась по длинному коридору и, танцуя, оказалась на кухне. На празднично сервированном кухонном столе стоял красивый торт, большая тарелка с вкусными канапе, шампанское и ваза с нежным букетом цветов.

– Настя как здорово!

– Здорово, здорово, красавица. Наверное, голодная? Садись, – говорила Настя, разливая по бокалам шампанское, – вижу, я была права? Повстречалась с Греем? И как его зовут? – после выпитого горячего кофе с куском вкусного торта, спросила Настя.

– Артём, Тёма. Он приехал к друзьям и бабушке из Москвы. Учится в МГУ на третьем курсе. Настя, он такой...

– Всё понятно. Потом расскажешь, а сейчас спать. Немного поспи и надо к маме в больницу. Она тебя ждёт.

Глава 3

На оперативке Марта чувствовала себя неловко. По-хорошему ей надо отказаться от ведения дела. Так как оно связано со смертью известного ей лица. Близкого не близкого человека, не важно. А в принципе, куда ближе – происшествие случилось с бабушкой отца её дочери. Но Марта решила сообщить об этом полковнику после того, как выяснится участие Артёма в этом деле. А вдруг, это не его видела соседка в ту ночь? Она описала совершенно незнакомого для Марты мужчину.

– И почему я думаю сразу о нём? А он всё живёт, наверное, в далёких своих Штатах, и никогда не вспоминает обо мне, – думала Марта, машинально листая страницы дела.

– Майор Снежена, какие мероприятия проводятся по данному делу? – обратился к ней полковник Мезенцев.

– Опрашиваются соседи. Разыскиваем молодую жену сына потерпевшей и её родного внука.

– Что имеется ещё не родной?

– Да. Пасынок сына от его второго брака, – Алексей Лисневский, тридцать шесть лет, регистрация: Вторая линия Васильевского острова. Но в этой квартире он только зарегистрирован, а принадлежит она в равных долях потерпевшей и вдове её сына Инге, которую мы и разыскиваем. На свою долю в квартире Лисневская оставила Алексею завещание. Теперь ему принадлежит половина этой квартиры. У потерпевшей было продолжительное общение с ним.

– В смысле продолжительное?

– Пётр Кузьмич на протяжении многих лет, это же её внук, – уточнил стажёр.

– Понятно, понятно. Марта Леонидовна продолжайте.

– Сейчас идёт работа со свидетельницей над словесным портретом мужчины, с которым в день убийства у потерпевшей был эмоциональный разговор. Со слов соседки, конечно.

– Понятно, – полковник задумчиво посмотрел на Марту, – Майор Снежина, с вами всё в порядке? Что ты такая кислая Марта? Энтузиазма в глазах не вижу. Ты считаешь, что это не простое отравление бабушки с маразмом?

– Пётр Кузьмич Лисневская совсем не походит на маразматичку. По рассказам опрошенных соседей, она была вполне логично рассуждающая женщина. Немногословная и особо не афиширующая свои семейные дела.

– Но так в чём дело? Возможно, она давно созрела до самоубийства. Произошёл эмоциональный скачок и результат – горсть таблеток и никаких мучений потом. Упала, ударилась. Результат смерть. Так что, доводите дело до ума и закрывайте. А то с вами я никогда на пенсию не выйду. А дел у нас и так полна коробочка.

– Хорошо.

– Марта, что хорошо? Что я закрою это дело и с чистой совестью на волю?

– Ну что вы такое говорите, товарищ полковник?

– Я же вижу, что ты в чём-то сомневаешься.

– Пётр Кузьмич я ещё раз хочу покопаться в квартире потерпевшей. И ещё вот, что. Надо поднять дело о гибели жены сына погибшей и смерти младенца.

– Какого ещё младенца? Страхи какие.

– Правнука потерпевшей. Ему месяц исполнился. По рассказам соседки он задохнулся. Понимаете, младенцев после кормления нельзя класть на спину. А его нашли лежащим в кровати на спинке, захлебнувшимся молочной отрыжкой. Отрыгнул и всё.

– Что такое отрыгнул и всё?

– Захлебнулся и умер.

– Как это? А мать его что же?

– Выпила снотворное перед кормлением и уснула крепко.

– Ну? И ты видишь в случившемся умысел? Что, снотворным её специально накормили? Какой умысел в этом? Кому нужна смерть младенца? Что там наследство большое?

– Так вот я и хочу разобраться. Какое-то муторное это дело. Зачастили в этой семейке родственники умирать, погибать.

– А кто ещё?

– Сначала вторая жена сына Лисневской попала в автомобильную аварию. Потом сам сын утонул. Вскоре смерть младенца. Следом смерть старушки. И куда-то пропали родной внук и третья жена сына потерпевшей. Пока не можем выяснить их местонахождение.

– Родной, неродной внук, жёны вторые, первые... Живут же люди, – горестно ухмыльнулся полковник.

– Пасынка сына потерпевшей – Алексея Лисневского, если узнают на опознании, придётся задержать.

– Понятно, что ничего не понятно. Понятно то, что ты собралась дела минувших дней притянуть к сегодняшней истории и не понятно, что ты собралась найти в квартире?

– Пётр Кузьмич, товарищ полковник, лишний осмотр не помешает.

– Ну, если посмотреть вглубь, то да, вопросы имеются. Бывает, наверное, и такое. Череду непредвиденных трагических случайностей, понимаешь. Но мы работаем по факту. И дело у нас открыто по факту! Марта, ты меня слышишь? По факту смерти старушки. И я надеюсь, ты не очень долго будешь возиться с этим делом.

– Слушаюсь, – Марта, окутанная своими мыслями, вышла из кабинета.

– Слушает она, – пробурчал полковник, – а ещё жена говорит, что пора кафе заказывать на прощальный сабантуй. С ней выйдешь на пенсию, как же.

Полковник Пётр Кузьмич Мезенцев работает с Мартой со дня её распределения к нему в управление. Ему нравилась эта всегда спокойная, умеющая держать при себе свои эмоции женщина, годившаяся ему в дочери. Не имея своих детей, они с женой Нелли Михайловной, очень привязались и опекали Марту, удивляясь её способности при таком загруженном графике жизни и беспокойной работе вырастить самостоятельную, умную дочь-красавицу. Правда и они приложили к этому процессу свои силы и любовь к девочке, считая её своей внучкой.

Чета Мезенцевых как-то незаметно стала родной для Аси, дочери Марты. Они знали, что Марта растила её одна, так как родных у неё не было. Кроме женщины Насти, по рассказам Марты проживающей долгое время с ней в одной квартире и помогающей ей растить дочь пока Марта училась в институте. Но определив Асю в первый класс, Настя вышла замуж за иностранца и уехала в Финляндию. Вскоре после появления Марты в управлении шефство над Асей взяла жена Мезенцева.

Теперь при случае Ася всегда говорит Марте: – Мама, это для тебя Мезенцевы начальство, а для меня бабушка и дедушка. Марта и не возражала. Аська с лёту определяет хороших людей.

– Вот поэтому я и не замужем. Не все претенденты могут пройти лазерный взгляд моей дочери. После короткого общения, Аська сразу скажет наш или не наш это человек, – говорила Марта, интересующимся её семейным положением и предостерегающим о том, что, годы-то идут, – пусть идут, – отвечала она, – а нам и так хорошо!

– Марта Леонидовна, – в коридоре её остановил всегда взъерошенный и неутомимый Ванечка стажёр, – вот портрет неизвестного.

Марта с волнением взяла распечатанный на принтере портрет мужчины.

– На Артёма не походит. Бородатый какой-то, – подумала она, – Ваня подожди, а почему цвет куртки изменился? Первоначально Дроздова заявляла, что мужчина был в тёмно-синей куртке. Почему на рисунке зелёная куртка?

– Ну да, я тоже это ей заметил. Так говорит, что вспомнила. От волнения перепутала. Я указал в протоколе изменения её показаний, товарищ майор. И мне кажется, с ней надо ещё раз провести беседу.

– По поводу чего Ванечка? Или без повода?

– Марта Леонидовна я стойкий перед чарами подозрительных женщин. И потом я Аську вашу буду ждать, когда она институт окончит, я стану вашим зятем.

– Что?

– Спокойно товарищ майор. Так вот, я так думаю, что эта Мария Дроздова не просто Мария.

– Ох, Ваня дошутишься ты у меня. Ладно, не томи.

– Кажется мне, не одного папика она выпроваживала в ту ночь. А постоянно это делает каждой ночью.

– Думаешь тихий притон? Хорошо, поезжай, может ещё, что выяснишь.

– Слушаюсь, не бойтесь, всё выясню и доложу.

– Чего мне бояться? Это ты сейчас бойся остаться без обеда. Ноги в руки и заодно с фотороботом по квартирам. Может, что ещё нароешь.

– Правильно как без обеда, так сразу Ванечка.

Марта прошла в свой кабинет.

– Господи, пусть это будет не Артём. Интересно, каким он стал? А в принципе я не знала толком, каким он был. Столько лет прошло, может, изменился до неузнаваемости. Что это я совсем скисла.

Марта подошла к окну. Внизу шумел город.

– У нас с ним всё закончилось, не успев начаться. Странная и непредсказуемая штука жизнь. Белые ночи. Ночи любви. Сейчас в Петербурге, как и тогда, стоят белые ночи. А была ли любовь? Или тогда нас с Артёмом окутал туман влюблённости? Как можно определить это состояние после первого в твоей жизни поцелуя? Первого признания в любви.

г. Ленинград. 1988 г.

В эти дни Марте казалось, что она наполнена счастьем и от этого она легка, как воздушный шарик, поэтому в любой момент может взлететь и улететь, подгоняемая ветром надежд навстречу любви. Она сама себя не узнавала. Ей казалось, что без Артёма, она теперь и дня не проживёт. Если им придётся расстаться, она просто умрёт.

Но, несмотря на все предостережения Насти, случилось то, о чём Марта старалась даже не думать. В эту встречу с Артёмом они попали под сильный дождь и промокли до нитки.

– Давай зайдём ко мне. Настя уже, наверное, дома. Согреемся чаем, – предложила Марта.

– Нет, сегодня зайдём ко мне. У тебя мы уже были, – Артём уверенно взял руку Марты и повёл её к остановке автобуса.

– Неудобно, я в таком виде. Мы с твоей бабушкой не знакомы, что она скажет, увидев такую мокрую курицу?

– Ничего не скажет и не увидит. Капитолина Захаровна Лисневская уехала на дачу по срочному делу. Вернётся только завтра к вечеру.

Квартира бабушки Артёма напоминала музей. На стенах множество старых фотографий, на старинном комодике и бюро какие-то красивые статуэтки. На большом круглом столе огромных размеров антикварная настольная лампа в красивом абажуре.

– Мадам не хотите принять душ? Отмыть следы ваших городских походов? – Артём картинно поклонился, приглашая Марту в ванную комнату.

- С удовольствием, если вы пока я принимаю ванну, приготовьте мне кофе.
- С коньяком?
- С молоком, чтобы не простыть окончательно.

Смеясь, Марта взяла махровую простынь, принесённую Артёмом и скрылась в ванной комнате.

Развесив мокрое платье на сушке, она включила душ, но неловким движением задела ванную шторку и та, соскочив с кронштейна, вместе с холодной и скользкой шторкой, оглушив Марту по голове, с грохотом упала в ванну. По пояс раздетый, в одних и без того мокрых джинсах Артём, заскочил в ванную комнату. Освободив Марту от липкой плёнки, он обнял обнажённую девушку и крепко поцеловал её в губы. Обессиленный от непознанного чувства страсти, Марта дала перенести себя в комнату, где полностью отдала своё тело любимому.

Очнувшись утомлённые от любовных игр влюблённые только следующим утром, от крика возмущения вошедшей в квартиру бабушки.

– Это что за вертеп? – разъярённая Капа с ужасом в глазах смотрела на обнажённую, чуть прикрытую простынёй парочку, – немедленно, – прошептала она, не дав понять, что надо делать немедленно. Возгласы ужаса доносились из кухни, где на столе осталась открытая бутылка шампанского, из ванны, где на полу лежала клеёноччатая шторка.

– Бабушка не кричи, я всё уберу. Лучше познакомься. Это моя Марта, – говорил Артём, поворачиваясь к стоящей за его спиной девушке.

– Вон, вон из моего дома! – тихо прошипела бабушка, принимая величественную позу Ермоловой на её знаменитом художественном портрете.

– Хорошо, тогда и я уйду, – тихо сказал Артём, сняв уже сухое платье Марты в ванной и одевая на себя ещё мокрые, так и не успевшие высохнуть джинсы.

– Нет, Артём, останься. Потом созвонимся. Извините, – остановила его Марта и выскочила из квартиры.

– Стыдно, господи, как стыдно, – Марта заплакала. Она оглянулась, думая, что Артём всё же не послушает её и ринется следом. Но Артёма не было, – правильно, всё правильно.

Через некоторое время Марта с красными глазами от слёз вбежала в свой подъезд. Настя, увидев девушку в окно, открыла ей дверь.

– Марта, где ты была? Что случилось? Я ночью думала, умру.

– Насть прости. Я потом тебе всё расскажу, – Марта хотела пройти в свою комнату, но Настя задержала её.

– Марта подожди. Мне надо тебе сказать. Сядь, – Настя усадила Марту на диван и прижала её лицо к себе, – вчера вечером Людмила Ивановна умерла.

– Мама? Как умерла? А операция? Нет...

Сердце Людмилы Ивановны не дотянуло до назначенной даты. Смерть матери подвела черту под кратковременным периодом первой любви, перенесла Марту, не успевшую насладиться этим сладостным и неповторимым чувством в совсем другую часть её жизни, взросления и ответственности.

Услышав от Насти горестное известие, Марта впала в какую-то прострацию. Всё, что происходило вокруг, ею воспринималось как происходящее не с ней. Артём звонил ей.

– Тёма, а у меня мама умерла. Теперь я совсем одна, – говорила она ему тихим отрешённым голосом.

– Марта я ненадолго вернусь в Москву, улажу свои дела и вернусь. Марта я переведусь в Ленинград. Ты не будешь одна.

Артём говорил ещё ей что-то из квартиры своей бабушки, потом из своей квартиры в Москве. Но Марта не воспринимала никакую информацию.

– Хорошо, – односложно отвечала ему она и опускала трубку телефона.

После сороковин звонки от Артёма стали реже. А ещё через некоторое время Марта ехала в маршрутке, в которую врезался грузовик. Со сложнейшим переломом ноги, девушка попала в больницу. Там она узнала, что вскоре станет мамой.

Санкт-Петербург, 2005 г.

Марта Леонидовна, – в кабинет вошли стажёр и Александр Григорьевич, – нашёлся внук старушки, – отрапортовал оперативник.

– Какой внук?

– Как какой? – Ваня в удивлении развёл руками, – этот мужик на портрете, оказался её внуком.

– Так он сам пришёл, – добавил Александр Григорьевич Коршунов.

– Куда пришёл? – у Марты запершило от волнения в горле. Она ещё никак не могла отойти от своих воспоминаний.

– Как куда? К нам пришёл. Ему разрешение на захоронение останков надо. Его по зелёной куртке соседи опознали. Правда бороды у него никогда не было, но её и приклеить можно. Правда, товарищ майор?

– Какая борода, куртка? – откашлявшись, спросила Марта, – ладно, предварительно я его опрошу, вы не против? – кивнув, Александр Григорьевич и Ваня вышли из кабинета начальницы.

– Чего это с ней? – спросил стажёр у старшего товарища, – предварительно и я мог бы его опросить, а то, «вы не против», – передразнил он Марту.

– Чего, чего? Белые ночи, не хватает нам Сочи. Отдыхать надо. Каждый год и вовремя. А не так, как мы. Мне бы сейчас на дачу слетать! Ладно, пошли работать.

В кабинет Марты вошёл криминалист.

– Здравствуйте дядя Лёша. Что интересного скажите?

– А что интересного ты ждёшь, Марточка? Приветствую.

– Жду радостной вести для Петра Кузьмича, что пора закрывать дело, так как бабушка сама проглотила лошадиную долю таблеток.

– Не дождётся наш уважаемый начальник спокойной жизни. И ты вместе с ним. Я так понимаю, что дело только набирает обороты.

– Не томите дядя Лёша.

– Ни в коем разе. Вот тебе послание от патологоанатома. Интересные вещи он пишет.

Марта взяла несколько напечатанных страниц.

– Так, так... обнаружено, так, не в смертельных дозах сильнодействующий психотропный препарат. Хм... Так, так, а как это, удар по голове повлёкший смерть потерпевшей от внутреннего кровоизлияния? Не поняла, а крови-то не было.

– Как это не было? Закрытая черепно-мозговая травма. Слушай вдарить по такой копне волос... У неё волосы такой густоты, у нормальных бабушек её возраста таких не бывает. И через эту массу проломить голову, я тебе скажу, не дюжая сила нужна. Да и старушка прожила бы ещё энное количество времени. Что скажешь?

– Скажу, что товарищ полковник очень обрадуется этой бумажке.

– Ну, так пошли?

– Пойдёмте докладывать.

После «радостной встречи» с начальством, Марта зашла в кабинет Коршунова и стажёра.

– Марта Леонидовна, правда, бабулю по голове задела? – заёрзал на стуле стажёр.

– Нет Вань. Я, наверное, похожа на шутницу. А теперь давай скатаемся на квартиру к убитой. Может, что ещё мы просмотрели при первом осмотре? Да заодно опросим ещё раз соседку – подругу убитой, как её, Валентину Михайловну. Почему она ничего не знает о мужчине, этом ночном посетителе. Да и пригласить их надо будет на опознание. Пусть опознают куртки, бороды.

– Марта Леонидовна с вами, хоть на край света, не то, что на осмотр. Садитесь, довезу с ветерком.

– Кто бы сомневался. Ванечка, только давай без рулевых эмоций. Тихо, спокойно, не обращая внимания на остальных участников движения, а начальство немного подумает. Идёт?

– Товарищ майор даже заснуть можете, доставлю в лучшем виде.

Марта, конечно, не собиралась спать. Ей хотелось побыть в тишине без Ванькиной постоянной болтовни. Потому, как водитель он ещё тот и болтун отменный. Вот он и забалтывает пассажиров до обморочного состояния, чтобы скрыть свои недостатки в управлении автомобилем.

Сев подальше от стажёра на заднее сидение, Марта закрыла глаза.

– Значит, несмотря ни на что судьба уготовила нам ещё одну встречу с Артёмом. Интересно, знает ли он, что у него уже совсем взрослая дочь? Ах, Капа. Капитолина Захаровна неблагоприятную роль вы сыграли в моей, да думаю и в Тёмкиной жизни. Жили в одном городе, но вы, ни разу не встретились со своей родной единственной, как выходит, правнучкой. Аська чужих людей называет родными дедом и бабушкой. Почему чужих? Мезенцевы роднее родных нам стали. Но это по факту, как скажет Пётр Кузьмич.

г. Ленинград. 1988 г.

Артём позвонил ещё раз, когда Марта готовилась к выписке из больницы.

Трубку взяла Настя. Она хотела сообщить ему о беременности Марты, но подумав, решила, что не в праве это делать без её согласия. Молодые сами разберутся. Скорее всего, Марта не оценит её душевного порыва.

– Артём у Марты сложный перелом. Нога не совсем рабочая. Боюсь, что будут осложнения. Пока ничего нельзя сделать. Завтра её выпишут до следующей операции.

– Вы передайте Марте, что я буду в Питере в субботу. С вокзала поеду на наше место. Думаю, я буду там часов в двенадцать дня.

Марта стояла на набережной, где ни один раз они встречались с Артёмом. Ей было тяжело стоять на одном месте. Она переживала, что не успела накрутить на бигуди локоны, как это делала перед каждой встречей с любимым. Марта ходила вдоль набережной Невы, опираясь на невзрачную, выданную ей в больнице трость, припадая на больную ногу. Но больше всего она переживала за то, как Артём отнесётся к её сообщению о беременности.

Артём уже был на месте, когда увидел медленно шедшую, хромающую, опирающуюся на трость девушку. Сначала он даже не признал в ней Марту. Но когда она подошла ближе он, не думая, машинально спрятался за стволом большого дерева в сквере, за которым он стоял и курил, ожидая её. Увидев сильно припадающую на ногу девушку, он испугался. Марта прошла мимо, не заметив его. Остановилась и повернулась к нему спиной, глядя на тёмные воды Невы. Он смотрел на простенький берет на её изменившейся причёске, немного располневшую фигуру в недорогом пальто и боялся, что вот она сейчас обернётся, увидит его, подбежит к нему, как всегда это делала, бросится на шею, а он...

А он почувствовал, что в душе его ничего не колыхнулось, как это было раньше. Ему не хотелось идти ей навстречу, не хотелось обнять, поцеловать крепко в губы. Эта была совсем

другая Марта. Не та тоненькая, быстрая с весёлым задорным взглядом. Артём смотрел на неё и думал, что могло его связывать с этой девчонкой?

– Теперь она ещё и хромает. А если хромота останется навсегда? Пожалуй, будет лучше, если у нас с ней просто останутся тёплые воспоминания о нашей первой любви.

Парень положил купленный небольшой букет осенних астр на лавочку и, закулив новую сигарету, поспешил к метро, в противоположную сторону от места назначенной встречи.

Марта долго стояла и смотрела по сторонам, разыскивая глазами любимого. На минуту ей показалось знакомым походка быстро шедшего парня в сквере. Но он вышагивал уже на довольно дальнем расстоянии.

– Нет, я ошибаюсь. С чего бы это был Артём? Он сам мне звонил и сам назначил встречу. Интересно обрадует ли его сообщение о нашем ребёнке? Артём приди, мне так много надо сказать тебе.

Но прошёл час, другой. Артём не давал о себе знать, как и все последующие годы.

С набережной Невы, Артём заехал к бабушке

– Тёма ты из Москвы? Почему без предупреждения? А если бы я была на даче? Ну что ты, заходи. Что случилось? Почему ты здесь? Как папа?

– Всё хорошо бабушка. Я приехал по своим делам.

– По своим делам? Надеюсь, ты их правильно разрешил?

– Я тоже на это надеюсь. Мой поезд сегодня ночью. Я у тебя побуду.

– Тёмушка конечно. Мы сейчас с тобой пообедаем, посидим, поговорим...

Капа засуетилась, разогревая еду и сервируя стол к обеду.

Расслабившись и успокоившись, Артём лёг на диван в столовой. Глядя на ряд фотографий женщин, которые были изображены на фото в разное время, но в одной и той же позе. Все они сидели в старинном кресле, которое и теперь стояло на почётном месте в бабушкиной комнате.

– Ба, всё хотел тебя спросить. Почему все эти женщины фотографировались в разное время, но в одной позе и сидя в твоём старинном кресле? И почему моя мама заключает этот ряд фотографий? Почему она в ряду с этими женщинами?

– Тёма это не просто женщины. На первой фотографии жена твоего прапрадеда. Потом жена прадеда, потом я, собственной персоной, жена твоего деда, а на последней фотографии твоя мама. Жена твоего отца.

– Понятно, это все невестки рода Лисневских. А почему в одной позе и в этом кресле?

– А ты встань и посмотри, что их всех объединяет.

Артём подошёл ближе к фотографиям. Долго и внимательно разглядывая их, заключил: – Не считая кресла, на их блузках одна и та же брошь.

Глава 4

Марта вошла в квартиру Лисневской и сразу поёжилась от нахлынувшей на неё прохлады. Она подошла к окну и раздвинула тяжёлые плюшевые шторы, отделяющие быстро пробегающее время с законсервированным миром квартиры старой хозяйки.

Марта осмотрелась. Ничего не изменилось. На стенах те же картины, портрет хозяйки, так напоминающий великую актрису Ермолову. Наверное, Капитолина Захаровна гордилась сходством с ней и пыталась походить на неё.

– Не знаю, как они были похожи характером, а осанка, такая же величественная, – подумала Марта, глядя на портрет женщины.

Марта медленно ходила по комнатам, внимательно разглядывая всё вокруг.

На красивом комодѣ большой старинный фотоальбом. Марта открыла его и стала медленно листать плотные страницы, рассматривая незнакомые лица на фото. В нём находились фотографии только из прошлого и даже позапрошлого века, словно хозяйка так прочно сплелась с той, давно ушедшей жизнью, что не желала смешивать её даже с новыми карточками, подтверждающими, что всё в этом мире меняется иногда так быстро и, к сожалению, не так, как нам хотелось бы.

Рассматривая развешенные на стенах в строгом порядке фотокарточки в красивых, одинаковых рамках, она остановила свой взгляд на нескольких фото женщин.

– Странная подборка. Первая фотография совсем старинная, видно из позапрошлого века. Женщины не похожи друг на друга. Одно и то же кресло и одна и та же поза.

Марта что-то предположив, вошла в соседнюю комнату.

– Вот и кресло. Надо же – раритет какой. И в блокаду выжило, не спалили. А почему женщины сидят в одной и той же позе? Вековая традиция?

Марта села в кресло, как сидели в нём женщины на фото.

– Их всех должно ещё что-то связывать. Родство? – Марта подошла опять к стене с фотокарточками.

Она внимательно всматривалась в каждую из женщин.

– Найди десять отличий. Нет, найди сходство, объединяющее всех женщин. Родство, это естественно. Даже, невзирая на их несхожесть, они могут быть родственниками не по крови. И то, что это женщины разных временных поколений, очевидно. Лица, причёски и одежда явно указывают на это. Так что смотрю и не вижу! Брошь! У них у всех одинаковая брошь. И сидят они так, чтобы эта вещица хорошо просматривалась на фото. Интересненько.

Марта вышла на лестничную площадку и позвонила в дверь соседней квартиры.

– Валентина Михайловна добрый день, майор Снежина. Вы не могли бы зайти в квартиру Капитолины Захаровны?

– Одну минуту, дорогая, только переоденусь, – сказала та, удивлённо выглянув из своего тихого уголка, – никого не ждала, решила заняться собой. Минуту подождите, я только переоденусь.

Через минут пять в квартиру потерпевшей вошла дама, явно старающаяся любыми путями скрыть свой возраст. В платье, подчёркивающем её нестареющую фигуру и с модельной стрижкой на дорогом парике.

– Вы прекрасно выглядите, – Марта не удержалась от заслуженного комплимента.

– Вы ещё добавьте для своих лет.

– Ну что вы? Я искренне.

– Не обижайтесь дорогуша. Года, года бегут, а жить хочется всё дольше и лучше, – улыбнулась женщина.

- Валентина Михайловна кто изображён на этих фотографиях?
- Так это все невестки рода Лисневских. А на этой фотографии первая жена погибшего Бори, сына Капочки. А вот и сама Капитолина Захаровна совсем молодая, а стать какая?
- Почему у них у всех одна и та же брошь на груди? Она, что передавалась по наследству?
- Марта заметила, как на лице соседки вспыхнул румянец.
- Извините это личные подробности, о которых неприлично спрашивать. Мне Капа, ни о каких наследственных вещах не говорила. А я и не интересовалась такими подробностями. Но однажды она показала мне Наденьку на фото и сказала, что Борька, подлец, извините, уж так она и сказала, недолго страдал после кончины своей первой жены. Женился на матери Алексея. Хотя он женился второй раз почти через десять лет после смерти Надежды. Недолюбливала она вторую жену своего сына. А вот Альку, сына нелюбимой невестки любила, баловала. Странное обстоятельство, но это факт.
- Значит, последней невесткой в своём роду она считала мать старшего внука Артёма Борисовича?
- Получается так, – почему-то недовольно ответила соседка.
- А как она относилась к третьей его жене.
- К Инге? Я же вам уже рассказывала. Это не секрет. Она ненавидела её. Прошу прощения, но мне кажется, это чувство у них было взаимным.
- Вы хотите сказать, что молодая жена тоже...
- Во всяком случае, мне так показалось. Я свободна?
- Марта проводила Валентину Михайловну, но ей так и не стало понятно, почему у пожилой женщины резко испортилось настроение.
- Бывает, – решила Марта, – как не молодись, а возраст берёт своё.

Соня жена Алексея Лисневского находилась в квартире матери, Лилии Ивановны, и почти не выходила из своей комнаты. Она не могла оставаться в коттедже Лисневских, после всего, что там произошло. Алексей тоже переехал к тёще в эту маленькую двухкомнатную квартиру. Он не мог оставить жену одну. Уже месяц прошёл после смерти Ёжика, как все любя называли малыша, но Соне, казалось, лучше не становилось.

От горестных воспоминаний у Сони медленно покатались слёзы, оставляя на подушке большое мокрое пятно.

С Алексеем они познакомились давно, сразу после возвращения его с родителями из Штатов. Вскоре, решили узаконить свои отношения. Мама Сони Лилия Ивановна, сначала была рада свадьбе, но после знакомства с родителями Альки, изменила своё отношение к этому мероприятию. Как только Соня не пыталась убедить свою мать в том, что родители Альки вполне приличные, хорошие и добрые люди, на все её доводы, Лилия Ивановна отвечала одним: или я, или они. Несмотря на материно несогласие на брак дочери, влюблённые решили зарегистрироваться сами, без привлечения родителей и укатить в свадебное путешествие. Но их планам не суждено было исполниться. Неожиданно в автомобильной катастрофе погибла мать Алексея, и было решено повременить со свадьбой. Но спустя два месяца выяснилось, что вдовец влюбился, как мальчик, да не в кого-то, а в лучшую подругу Сони Ингу.

– Я давно заметила, как она глазки ему строила, – недовольно говорила дочери Лилия Ивановна.

– Мама за что ты так сердишься на Бориса Сергеевича? Иногда мне кажется, что ты сама в него влюблена.

- Не говори глупости. Вот будет такая же карма у Альки, как у его отца.
- Нет, мама мы с Алькой вместе умрём в один день. Алька меня очень любит.
- Сын явно не в отца, – ответила Лилия Ивановна, о чём-то задумавшись.
- Мама Алька не его сын. Он его пасынок.
- Как пасынок? – женщина оживилась.
- Обыкновенно. Борис Сергеевич женился на его матери, когда Альке было пять лет.

Просто он относится к нему, как к родному. Усыновил его. Поэтому у Алексея его отчество и фамилия.

– А Артём?

– Это родной его сын и они тоже очень дружны с ним. Артём первый помощник в делах Бориса Сергеевича.

– Ну, да добренький, любвеобильный Борисик. Он случайно не «синяя борода», всё-таки двух жён похоронил?

– Мама пусть живут в мире и согласии, раз любят друг друга.

На удивление Сони после этого разговора, мать дала благословение на их брак с Алексеем. Но тому, чтобы сочетались сразу обе пары, как этого хотела Инга, она воспротивилась. Вскоре, после свадьбы Бориса Сергеевича и Инги, молодожёны уехали в Штаты, а Соня переехала в дом к Алексею. Через несколько месяцев Соня сообщила о беременности. Наконец, было решено, сыграть свадьбу. К свадьбе сына в Санкт-Петербург вернулся и отец с Ингой, которые собирались после празднования торжества уехать на отдых по Средиземноморью.

– Сонька, какая ты счастливая. Нет, правда, я тебе белой, чистой завистью завидую! Да не смотри ты так на меня. И Алька тебя очень любит, и свадьба на носу и вот, ребёночек у тебя скоро будет, – Инга, погладила пока ещё стройную подругу по животу, в котором уже протекал невидимый комочек зарождающейся жизни.

Потом она взяла только что полученное из салона свадебное платье Сони и, приложив его к себе, закружилась по комнате.

– Инга давно ли ты так кружилась в своём таком же платье? – ответила Соня своей подружке.

– Надо было нам вместе свадьбу сыграть. А то вы с Алькой ждали столько времени, тянули. Обижаешься, что вышло так, что я раньше тебя замуж выскочила?

– Перестань, – Соня хотела прервать неприятный для неё разговор.

– Сонечка не кукуйся. Интересно получается, теперь я тебе свекровь, а твоему будущему мужу прихожусь мачехой, – Инга засмеялась и положила платье на место, – Сонька ты чего? Лучше свекрови, чем я не найти!

– Да ничего, но если честно, то и вы могли бы с Борисом Сергеевичем немного подождать со свадьбой. Всё-таки нехорошо получилось. Ладно, первая его жена давно умерла. Но вторая, мало того, что так нелепо погибла, так ещё и вы быстро свадьбу сыграли. Инга они же с матерью Альки столько лет вместе прожили.

– Соня брось. И ты туда же. Алька твой на меня всё кукуется. Всё простить не может женитьбы его отца на мне. Думает, что я окрутила его папочку. Пойми, это всё условности. В конце концов, если бы не моя беременность, то была бы соблюдена и эта формальность. Ничего страшного что, год не прошёл после гибели жены. Просто твоему любимому своего отца не жалко.

– Неправда Инга. Алька любит своего отца, хотя он и не родной ему по крови, но Альке, когда умерла мать Артема, было всего-то пять лет. Он другого отца и не знает.

– Любит. Это я люблю. Со мной расцвёл старичок. А потом, знаю, сейчас и ты на меня будешь кукуиться, мы с Боренькой ещё при жизни его жены встречались.

– Инга как ты могла?

– Ты же нас познакомила. Забыла? А любви все возрасты покорны.

– Как ты всё успеваешь? Вот ты мне скажи, только честно, я у тебя единственная и самая близкая подруга?

– Сонечка, солнышко, ты же знаешь. Я за тобой, как ниточка в иголочку. И вообще, Сонька, я так тебе за всё благодарна!

– Перестань. Просто признайся, не было у тебя никакой беременности и выкидыша не было. Ты же сама мне говорила, что у тебя врожденная патология.

– Сонь, а ты жестокая. Но я отвечу. Бывает и такое. Наверное, и правда, дети появляются от большой любви.

– Очень пафосно, – резко ответила ей Соня. На глазах Инги появились слёзы. Она отошла к окну и закрыла лицо руками.

– Прости, прости, – Соня подошла к подруге.

– Я знаю, вы все: и Алька твой и Капа, Артём и теперь ты, вы все ненавидите меня.

– Не плачь, прости, прости меня. Не наговаривай на себя. Мы все тебя любим, жалеем, что так всё произошло. А главное, Борис Сергеевич тебя обожает. И на Капу не наговаривай. Она не такая непроступная, как это кажется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.